

Б. Шукин в роли В. И. Ленина.

Мне выпало счастье работать с величайшим актером, с которым я когда-либо встречался. — с Борисом Васильевичем Шукиным. Я узнал его близко в последние годы его жизни, когда мы вместе с ним работали над картинами «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году».

В те времена я не мыслил никакого другого актера в образе Ленина.

Но когда я впервые увидел Шукина без грима, я, признаться, в первый момент огорчился и даже испугался. Передо мной сидел человек абсолютно не ленинского темперамента. Мягкий, медлительный, вежливо-важный; очень приятный, но осторожный, с хитринкой; очень умный, но весь какой-то немножко лирический, какой-то округлый. Вдобавок Борис Васильевич не был похож на Ильича. Мне приходилось видеть Ленина. Ленин был совершенно иным.

Надежда Константиновна рассказывала: когда Ленин плывал по Женевскому озеру, на берегу собиралась толпа швейцарцев. Он по пояс выскакивал из воды (как истый волжанин, он плывал «саженками»), и швейцарцы с изумлением смотрели на русского, который не плышет, а как бы летит по воде. У Ленина была широкая грудная клетка, и весь он был сухой, подбранистый, стремительный в движениях. Даже когда он сидел, впечатление было такое, что он вот-вот собирается резко встать. Он слушал, но казалось, что, слушая, он уже говорит, отвечает или готовится к ответу; он не садился, а присаживался.

А тут передо мной совершенно спокойно сидел человек с мягкими глазами, с мягким ртом... Даже уши были мягкие: все мягко и все освещено грустноватой улыбкой. Где же Ленин? Разве что лоб, лысина? Больше ничего!

Но когда мы заговорили о Ленине, о сценарии, о роли, я впервые заглянул

воспоминаний. Тут же были пластинки с записью ленинского голоса. Короче говоря, Борис Васильевич давно уже работал, и это было нашим огромным счастьем. В тот краткий срок, который нам отвели на создание фильма, не было бы возможности сделать эту сложнейшую, великую роль, если бы Шукин самостоятельно и глубоко не готовился заранее.

Борис Васильевич был очень осторожен, он не хотел торопиться, он скрывал от меня степень своей подготовленности — боялся, что я его сразу погоню на съемки, как это частенько бывает в кинематографии. Поэтому у нас была своеобразная игра в прятки: я его заставлял раскрываться, а он не очень шел навстречу. Мы работали больше разговорами, пробовали грим, оговаривали детали текста, примерялись понемножку.

Наконец я стал к нему приставать, что надо-де начать серьезные пробы, надо снять какой-то кусок. Шукин мне заявил:

— Знаете, вот чего я никак не могу узнать — это, как Ленин смеялся. Пока не узнаю, не могу играть. Найдите мне человека, который помнит бы, как Ленин смеялся, пусть он покажет мне смех Ленина. Ведь в смехе раскрывается характер!

Я дал задание своим помощникам найти такого человека. Нашли старого большевика, очень уважаемого товарища, называть которого я не могу, так как он меня на это не уполномочивал. Он, оказывается, был известен тем, что в свое время великолепно имитировал Ленина. Владимир Ильич сам даже просил его показать, как это он «передразнивает», и страшно хохотал, когда увидел «себя» со стороны.

Известно также, что этот товарищ часто пугал Анатолия Васильевича Луначарского, который был по-детски доверчив. Когда этот товарищ замечал, что

Луначарский увлечен разговором, он тихонько выходил в соседнюю комнату и, идя оттуда, громко произносил ленинским голосом: «Опять Луначарский путает! На этот раз я закачу ему строгий выговор!» Луначарский в таких случаях всегда вздрагивал. Это повторялось чуть не двадцать раз, и буквально двадцать раз Анатолий Васильевич «попадался».

Когда мы с Б. В. Шукиным узнали об этом товарище, мы загорелись:

— Уговорите приехать его к нам на студию. Пусть он посмотрит, как грим, как костюм.

Товарищ согласился. Шукин загримировался, оделся, ждал, очень волнуясь. Товарищ пришел, посмотрел грим, костюм. Мы его спросили, что могли, а потом подошли к главному.

— Не можете ли вы нам показать, как Ленин смеялся.

— У него смех был очень разный, — отвечает товарищ, — был ядовитый, язвительный смех, был смех добродушный. Иной раз он хохотал, как ребенок. Над мншениками он смеялся издеваясь, показывая пальцем...

— А вы не можете показать?

Выяснилось, что имитировать голос Ленина он мог, но смех... Для того чтобы имитировать чужой смех, нужно быть артистом. Это очень трудно. Он попробовал рассмеяться. Не вышло. Получилось нарочито. Он почувствовал это и сказал:

— Я не могу.

— Тогда я попробую, — предложил Шукин. Он отошел в угол, стал к нам спиной, помолчал, собрался, потом вдруг повернулся к нам — и я увидел совсем другого человека, я увидел Ленина. Как будто и шея у него стала короче, и брови стали по-другому, и лицо все изменилось, все тело подобралось.

Шукин сделал шаг вперед и засмеялся. Наш гость даже побледнел: очевидно, он живо вспомнил Владимира Ильича, и ему стало больно.

— Это очень похоже! — сказал он. — Мне нас нечему учить.

У него на глазах были слезы. Я понял, что Шукин проделал огромную работу, что он уже подошел к образу, подошел с величайшей осторожностью, ценой величайшего труда, что он очень много знает о Ленине актерски.

Не могу не рассказать и еще одного маленького эпизода — о том, как Шукин впервые вышел из гримировальной комнаты в павильон. Наша шумная киностудия похожа на вокзал. Вдоль огромных коридоров катится поток людей, тащат какие-то ящики, мебель, проходят маляры,

электротехники, плотники, столяры, слесари, бегут помрежи — две тысячи человек ходят по этим коридорам. Это целый завод.

Борис Васильевич очень волновался: как он пойдет по коридорам через всю студию до павильона? Ведь это была первая «ленинская» картина! И вот он вышел, вышел стремительной ленинской походкой и пошел по коридору, не останавливаясь, не оглядываясь, как шел бы сам Ленин на трибуну в Смольном. И каждый встречный останавливался, как завороченный, и смотрел вслед Шукину. Образовалась целая шпалера неподвижных людей. Они замирали, увидев Шукина, и уже — ни с места. Вся студия наполнилась изваяниями... Так прошел он через все коридоры в павильон.

С тех пор, поняв, что этот костюм и этот грим накладывают на него какую-то особую ответственность, он в течение всего съемочного дня ни на секунду не выходил из образа.

Шукин нес в себе образ Ленина и не позволял себе ничем его нарушить. Это чувствовала вся студия. Дни, когда снимался Борис Васильевич, назывались у нас шукинскими. В эти дни был абсолютный порядок, никто не позволял себе шуметь, по коридору ходили на цыпочках. Вся студия жила по-другому в эти дни... Но это стоило ему немалых усилий. Мы безошибочно узнавали, когда Шукин уставал, потому что он сразу же терял сходство с Лениным. Он не мог снимать больше 4—5 часов, это был предел.

По картинам «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» мы можем судить, что представляла собою Шукин — актер. В них он развернул свое дарование в необыкновенном, гениальном цветении. И могучий народный отклик на эти картины связан прежде всего с той огромной всеобщей любовью, которую мгновенно завоевал образ Ленина в исполнении Шукина. Тысячи писем, тысячи откликов, митинги по всей стране и, наконец, лица зрителей, десятки тысяч восторженных лиц — это был не просто актерский успех, это был могучий всенародный успех, заслуженный успех Бориса Васильевича.

Когда картина «Ленин в Октябре» вышла на экран, народ безусловно поверил, что перед ним Ленин. Как-то месяца через два после премьеры я ехал по Арбату. Ехал на такси. У Вахтанговского театра увидел Бориса Васильевича. Я подвез его до дому. Борис Васильевич вышел. Тут шофер поворачивается ко мне и с блестящими глазами спрашивает:

— Это же артист Шукин?
— Да, — говорю.

«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

2 марта 1960 г.

ПРИМЕР ТИТАНИЧЕСКОГО ТРУДА

— А вы не режиссер картины?

— Да, я режиссер картины.

— Здорово же вы подобрали артиста на роль Ленина, голос совершенно ленинский.

— А вы слышали когда-нибудь Ленина?

— Нет, я видел картину «Ленин в Октябре».

— Так вы же слышали там шукинский голос.

Товарищ настолько расстроился и огорчился, что даже перестал со мной разговаривать.

Это не единственный случай поразительного обаяния правды Шукина. Он убеждал даже тех, кто лично знал и видел Ленина.

В самые последние месяцы жизни Бориса Васильевича Шукина мы с ним задумывали третью серию — «Ленин в 1921—1922 годах». Борису Васильевичу хотелось сыграть вот какой этап в жизни Ленина: после первой болезни Владимир Ильич огромным, титаническим усилием воли вернул себе здоровье. Он сделал себя здоровым, потому что он не имел права болеть. Он вернулся к работе. Врачи его предупреждали, что, если он будет работать 3 часа в день и отдыхать два раза в году, он может прожить еще довольно долго, если же нет — они ни за что не ручаются. Ленин, как известно, работал в эти годы колоссально много. Время было очень тяжелое, и Ленин сознательно отдавал свою жизнь революции. Его секретари вспоминают, что в это время он был особенно весел. Кто бы ни входил к нему в кабинет, слышал ленинский смех, острые шутки. Этот период необычайно яркого горения ленинского гения и хотел сыграть Б. В. Шукин. Но судьба решила по-иному.

Та работа, которую проделал Шукин над образом Ленина, — это пример титанического труда великого советского артиста. Он снискал в этом образе всенародную любовь: и не только у нас — во всем мире трудящиеся обожают Шукина в образе Ленина.

Михаил РОММ, народный артист СССР.

Кадр из фильма «Ленин в 1918 году».

155